

Т. А. ЗОЛотоВА
(Йошкар-Ола)
М. Ю. НОВИЦКАЯ
(Москва)

**НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ
(на материале экспериментального исследования
ФИРО/МарГУ в Республике Марий Эл)**

***Аннотация.** В статье намечены этапы становления и развития проблемы межэтнических взаимодействий в отечественной фольклористике, выделены наиболее интересные подходы к ее решению, показаны возможности современной интерпретации в контексте предложенного русскими философами XIX в. принципа «единства в разнообразии». Значительное внимание уделено результатам работы федеральной сетевой экспериментальной площадки Федерального института развития образования — МарГУ в Республике Марий Эл.*

***Ключевые слова:** межэтнические взаимодействия, Поволжье, русские, финно-угры, фольклористика, единство в разнообразии, эксперимент.*

Одной из проблем, требующих непрерывного исследовательского напряжения, является проблема межкультурных/межэтнических взаимодействий [Путилов 1983: 7—8]. При этом она, как никакая другая научная проблема, всегда и теснейшим образом связана с политическим и культурным уровнем развития общества, степенью его открытости, а также толерантности каждого отдельного его представителя. Так, в России второй половины XIX в., отмеченной широким размахом реформ, участием в них самых различных слоев населения и на этом фоне ростом престижа страны в мировом сообществе, данная проблема получила отклик и в среде научной интеллигенции. Поиски национальной специфичности русской культуры привели ученых к необходимости постановки проблемы культурных взаимодействий (К. Д. Кавелин, Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский и др. См. об этом подробно: [Топорков 1997]). По мнению Ф. И. Буслаева, например, «национальность каждого народа обладает особенную силой претворять в свою собственность все, что ни приходит извне; <....> указывая на чужеземные влияния <....>, исследователь говорит не столько во вред, сколько в пользу <....> народности» [Буслаев 1861, II: 79]. А. Н. Веселовский писал об уникальной способности «чужого» резче определять «известные вкусы», придавать «более яркую форму тому, что уже существовало в поэтическом сознании народа как невыяснен-

ное им или только потенциальное» [Веселовский 1882: 221]. При этом ученый также не отрицал возможности заимствования, но считал его плодотворным лишь при наличии у вступающих во взаимодействие культур «встречных течений, сходного направления мышления, аналогических образов фантазии» (цит. по: [Топорков 1997: 361—362]). Именно в этот период А. Н. Веселовским было сформулировано знаменитое положение о заимствовании как «<...> своего рода диалоге культур <...>, но ни в коей мере не порабощении низшей цивилизации высшей» [Там же].

В свою очередь, закономерным следствием национальной политики советского государства в XX в. было перенесение данной проблемы из сферы национального самоопределения русской культуры в сферу меэтнических контактов и взаимодействий.

При известном «сужении» исследовательской позиции в фольклористике данного периода, тем не менее, были сформулированы очень важные подходы к исследованию рассматриваемой проблемы. Так, например, Э. В. Померанцева и К. В. Чистов в значительной мере конкретизировали тезис о заимствовании как «составной части процесса взаимодействия и взаимообмена контактирующих этнических традиций» [Померанцева, Чистов 1979: 4]. Интересны в этом плане и суждения В. М. Гацака. Им разработано положение о слиянии (при «трасплантации» повествования в иноэтническую среду) воздействия жанровых факторов с «преобразующей силой устно-поэтических (в том числе стилевых) и историко-бытовых традиций» [Гацак 1993: 5]. При этом интерэтническая общность, по его мнению, может распространяться и на структурообразующие факторы. Попытки выявления механизма усвоения «чужих текстов» были предприняты Б. Н. Путиловым. Для обозначения «возможностей чужого, заложенных в данной, этнически определенной системе художественных представлений, поэтической семантики, фольклорного сознания» им был введен даже специальный термин «кодовый настрой» [Путилов 1983: 12]. «Любой фольклорный текст, — писал ученый, — имеет определенный код или систему правил, бессознательно, но с достаточной четкостью регулирующих восприятие фольклорных текстов» [Путилов 1983: 12]. При попадании чужого текста в поле традиционного кода происходит его «настройка» и «перекодировка».

Соответственно и органическое усвоение инопоэтического текста представлялось Б. Н. Путилову как включение последнего в новый социально-бытовой контекст, соотнесение с новым кодом и наполнение новыми семантическими элементами» [Путилов 1983: 12]. Изменения, таким образом, происходят как в семантическом поле «своего», так и пришедшего извне «чужого».

О приспособлении заимствованных сюжетов к определенной культурной традиции, восприятию <их> в ее контексте писал Е. А. Костюхин [Костюхин 1993: 3].

Обратная сторона процесса заинтересовала, в свою очередь, В. П. Аникина. Ученый связывал ее с понятием «общерусской устойчивости фольклора» [Аникин 1996: 356]. Остановив свое внимание на областях межэтнического пограничья, В. П. Аникин отмечал тенденцию расхождения и одновременно схождения традиций фольклора разных народов; в ее противоречивости усматривал возможности для ограничения межэтнических контактов.

В связи с механизмом заимствования во главу угла была поставлена такая особенность духовной культуры, как проницаемость/непропицаемость различных ее сторон и фрагментов. Так, Н. И. Толстой писал о неоднородности жанров славянского фольклора в плане их устойчивости, национального своеобразия и особенно открытости/закрытости. По его мнению, «восприимчивыми» по отношению к чужому фольклорному и нефольклорному фонду можно считать анекдот, сказку, легенду, духовный стих, пословицу. Что касается обрядовой календарной и семейной поэзии, эпической поэзии (былины, думы, юнацкие песни), то они характеризуются ученым как «невосприимчивые, закрытые, внешне и внутренне стабильные» [Толстой 1995: 53]. При этом «устойчивость, непереводаемость и закрытость» песенного обрядового фольклора Н. И. Толстой склонен был объяснять «его тесной связью с обрядом, а также поэтической и стихотворной структурой» [там же]. «Заимствование, — утверждал ученый, — могло иметь место, но только с самим обрядом и языком и в редких случаях ареалов культурных союзов» [там же].

О большей проницаемости устной прозы по сравнению с песенными жанрами писали в свое время Э. В. Померанцева, В. П. Аникин, К. В. Чистов и другие. В этом ряду, как своего рода исключение, можно рассматривать суждение Б. Н. Путилова относительно того, что «заимствование может быть интенсивнее в сфере тех жанров, которые хорошо развиты у данного этноса» [Путилов 1983: 12].

В процессе этногенетических и сравнительно-исторических разысканий в области традиционной духовной культуры, в частности славян, чрезвычайно важна и заявленная Н. И. Толстым установка на использование методов внутренней (диахроническое исследование внутри одной языковой семьи) и внешней (синхронистическое исследование внутри одной языковой семьи) реконструкции и лишь на завершающем этапе «обращение к материалу неродственных и разнотемных языков и культур» [Толстой 1995: 44].

В советской фольклористике во многом была реализована и намеченная в конце XIX в. своего рода «программа» исследования культурных взаимодействий и их форм. Так, например, А. Н. Веселовский писал о контаминации, которая может сопровождать заимствование и в результате которой может побеждать более яркая, более интенсивная форма; о «проявлениях» культурных взаимодействий и их «внешних следах» в собственных именах, в остатках чужого быта, в совокупно-

сти подобных признаков, «потому что в отдельности каждый может быть обманчив» [Веселовский 1882: 212]. В этом плане в исследованиях советского времени, во-первых, помимо контаминации названы, а в ряде случаев и подтверждены примерами, такие формы взаимодействия, как апперцепция, интерференция, односторонние влияния, сотворчество, синтез, симбиоз, отталкивание и др. (см., например, [Чистов 1993: 61; Костюхин 1993: 8] и далее). Во-вторых, произведена дифференциация форм взаимодействия в зависимости от степени близости вступающих в контакт этносов.

Любопытно, что в процессе пересмотра достижений отечественной науки XIX—XX вв., расширения предметного поля фольклора, введения новых методов исследования в период так называемой перестройки (рубеж XX—XXI вв.), каких-либо изменений в подходах к решению проблемы межкультурных взаимодействий не произошло. В то же время необходимо обратить внимание на новую постановку вопроса о соотношении общерусского и регионального начала Б. Н. Путиловым. Известно, что на протяжении всего существования советской фольклористики ученые в процессе решения разнообразных проблем (в том числе и названной) исходили из положения о наличии некоего, не подтвержденного исследовательской практикой, «общерусского начала». Можно предположить, что оно восходило еще к идеалистическим представлениям о происхождении фольклора сторонников мифологической школы (Ф. И. Буслаева, О. Ф. Миллера, А. Н. Афанасьева и др.). Предполагалось, что существует определенный набор ментальных установок и способов их выражения в столь же определенных жанрах, формах, приемах и т. п., сигнализирующих о принадлежности текста именно русскому фольклору. Что касается Б. Н. Путилова, то он предложил для выделения универсальных тем, мотивов, сюжетов, форм и приемов русского фольклора сопоставлять между собой локальные/региональные традиции [Путилов 1994].

К сожалению, несмотря на существенные достижения в области изучения данной проблемы представителями отечественной академической науки, в региональных исследованиях, за небольшими исключениями (в этом плане положительный резонанс имеют, прежде всего, работы Т. Г. Владыкиной и ее учеников; см., например, [Владыкина 1998]), обозначенные выше подходы и методики решения проблемы межэтнических взаимодействий соблюдались далеко не всегда.

В начале XXI в. национальный вопрос приобрел необыкновенную остроту. Государственные и политические деятели многих стран заговорили о росте межэтнической и межконфессиональной напряженности и в целом неудачных попытках их правительств «интегрировать в общество инокультурный элемент, обеспечить неконфликтное, гармоничное взаимодействие различных культур, религий, этнических групп» (см. об этом подробно, например, [Путин 2012]). С обострением национального вопроса столкнулись самые развитые и благополуч-

ные европейские страны. Что же касается России с ее многообразием языков и культур, то для нее этот вопрос приобрел определяющий для жизни страны характер. Россия нуждается в новой национальной политике, и главный ее смысл видится руководителям страны в том, чтобы «дать каждому тот абсолютно обязательный объем гуманитарного знания, который составляет основу самоидентичности народа» [там же]. Чрезвычайно актуальными в этом контексте становятся и образовательные проекты, позволяющие «по достоинству оценить роль и место каждого народа в жизни России» (<http://special.kremlin.ru/transcripts/10312>).

Таким образом, выработка нового ракурса в осмыслении проблемы межэтнических взаимодействий в современных условиях, создание на этой базе соответствующих образовательных программ — насущная задача всей гуманитарной науки, в том числе фольклористики, уже имеющей в этой области огромный (см. выше) и, на наш взгляд, недостаточно оцененный опыт.

В настоящей статье представлена попытка организации учебно-воспитательного процесса в системе российского начального образования на основе реализации общефилософского принципа «единства в разнообразии», сформулированного еще выдающимся русским философом К. Н. Леонтьевым [Леонтьев 1992]. Данный принцип уже плодотворно использовался, например, специалистами Отдела социологии художественной жизни Государственного института искусствознания в проекте, претендующем на создание новой модели, регулирующей взаимоотношения искусства и общества на современном этапе [Художественная жизнь современного общества 1996; Соколов 2000]. В рамках этой модели (теория социокультурной стратификации) новая культурная политика страны должна выстраиваться с учетом запросов и интересов самых разнообразных (всех) социальных групп (в том числе и субкультурных сообществ и объединений) данного общества.

Соответственно реализация данного принципа применительно к интересующей нас проблеме (создание новых образовательных программ, учитывающих сложный и напряженный характер взаимоотношений этносов на российском постсоветском пространстве) предполагает в процессе духовно-нравственного воспитания молодежи использование ценностей (элементов) национальной культуры представителей всех этносов данного образовательного сообщества/коллектива.

Для решения на теоретическом и практическом уровнях этой сложной и ответственной задачи Федеральным институтом развития образования (Москва) в июне 2011 г. была создана сетевая экспериментальная площадка в Республике Марий Эл. В состав площадки вошли четыре учреждения: головное высшее (Марийский государственный университет) и средние образовательные учреждения (республиканская гуманитарная гимназия «Синяя птица», средняя общеобразовательная школа № 6 г. Йошкар-Олы и Юринская средняя общеобразо-

вательная школа им. С. А. Лосева). Тема опытно-экспериментального исследования новой площадки — «Проектирование системы воспитания младших школьников Республики Марий Эл на основе ценностного потенциала традиционной народной культуры». Необходимость организации опытно-экспериментальной работы, в том числе, была вызвана потребностью более полного использования культурных ценностей русского, марийского и других народов Республики Марий Эл в обучении, развитии и воспитании подрастающего поколения.

В процессе эксперимента ФИРО/МарГУ был выявлен ряд особенностей/свойств фольклора (и шире традиционной культуры) народов РМЭ, а также области и жанры народного творчества, которые способны наиболее эффективно участвовать в формировании у обучающихся базовых национальных ценностей (патриотизма, социальной солидарности, гражданственности, семьи, труда и творчества, природы и др.). Установлены также возможности и перспективы использования русской традиционной культуры региона в качестве интегрирующей единицы учебно-воспитательного процесса младших школьников.

В центре внимания участников экспериментального исследования — календарные и семейно-бытовые обряды и обычаи народов Марий Эл. Богатейший материал, собранный и систематизированный в результате многолетних усилий научного сообщества РМЭ, в соответствии с выше обозначенным принципом прошел следующие этапы его обработки:

1-й этап — выявление универсальных моделей (сущностных характеристик), определяющих происхождение ряда важных для сопоставляемых традиций областей культуры (фольклора). Например, в процессе формирования календарной обрядности народов поволжского региона чрезвычайно важную роль сыграл культ предков, и в частности, весьма распространенное как у славян, так и финно-угров представление о возможности самостоятельного существования душ умерших, посещения ими в сакрально отмеченное время мира живых, соответственно их *встречи* и *проводы* (см. об этом подробно: [Золотова 1997]). В свою очередь, свадебные обряды в своей основе демонстрируют распространенную у большинства народов мира модель перехода (*rite de passage*) [Золотова, Данилов 1994].

2-й этап — выявление основных (а в идеальном варианте всех) этнографических описаний/текстов, имеющих отношение к выделенной модели. Так, в календарной обрядности народов Поволжья в соотношении с культом предков на первом месте окажутся обходы домов и связанный с ним фольклор (обходные песни и ритуальные диалоги). В свадебном обряде, как обряде перехода, определяющими станут ритуалы прощания жениха и невесты с родным домом, родителями и ближайшими родственниками, холостой молодежью, местами гуляний и т. п. и связанные с ними тексты (причеты, песни, диалоги и др.).

3-й этап — выявление наиболее развитых/развернутых во времени и пространстве и одновременно ярких и далее до свернутых (одна акция, жест, вербальная формула, слово) обрядовых форм/текстов и их комментариев. Так, среди обрядов встречи и проводов душ умерших, являющихся основой для формирования обрядов обхода домов в Поволжье (см. об этом подробно: [Золотова 1997]), обряды мордвы выделяются своей последовательностью в осуществлении обрядовых акций, полнотой и завершенностью, развернутым словесным оформлением. При этом исполняемые в данный период обрядовые песни представляют собой закрытые структуры и в своей совокупности могут рассматриваться как единый обрядовый текст. Они дают практически полное представление о последовательности действий «хозяев» и «гостей» (напоминают хозяевам о необходимости изготовления обрядовой пищи, называют главных исполнителей обряда, воспроизводят обстановку «иноного» мира, изображают приемы «наказания» (повышения в статусе) будущего колядовщика (представителя «иноного» мира), описывают внешность и образ действий, связанные с ним локативы персонажа, осуществляющего инициацию, воссоздают «трудности пути колядовщиков», реализуют формулы-диалоги, сущность которых заключается в реализации «идеи обмена»: «гости» требуют обрядовой еды и сообщают о будущем (поражающем воображение) урожае и приплоде скота, рождении детей и др. и проясняют природу обрядов обходов домов в целом). Тогда как в русских обходных песнях архаические детали, сопряженные с глубинной семантикой обряда (характер обрядовой еды, ритуальные персонажи, идея зависимости угощения и «богатого урожая» и др.), как бы рассеяны по разным сюжетам, в ряде случаев являются «строительным материалом» для новых произведений, открыты для различного рода «наращений», «обогащений» и т. п. В свою очередь, обходы домов марийскими обрядовыми персонажами-масками в плане сохранности архаических деталей, соблюдения предусмотренных ритуалом действий и словесных формул занимают срединное положение между обрядами мордвы и русских [там же].

Можно привести и еще один пример уже из свадебной обрядности русских и марийцев Поволжья. Так, русский свадебный обряд в данном регионе отличается глубоко драматической тональностью предсвадебного цикла (невеста в траурном одеянии, изолирована от окружающих, ограничены возможности ее передвижения, лицо полностью закрыто коноваткой и т. д.). В причетах этого периода ее состояние ассоциируется с наступлением темноты, общего безмолвия, приближающейся смерти. Свадебные обряды марийцев, казалось бы, наоборот, наполнены смехом, весельем, задорной пляской. Но вот в описании свадебных обрядов марийцев А. Фукс находим симптоматичное описание: «Невеста морщила лицо, силилась, чтобы заплакать [Фукс 1840]. Оказывается, что в определенный момент бытования обряда и

у марийцев выражение горя невестой входило в круг обязательного обрядового поведения [Золотова 1994].

Такие сводные модели обрядов/текстов (в центре единый для определенного календарного/жизненного цикла универсальный код, который расцветается вариантами, бытующими в той или иной национальной культуре) позволяют снять напряжение в решении вопроса о принадлежности обряда/текста определенному этносу (например, исключительно русскому) и заимствовании его другими этносами. Как показывает опыт работы, варианты развертывания универсальных кодов в традиционных культурах самых разных народов могут быть достаточно легко обнаружены, и если не на уровне обрядов и текстов, то в прикладном искусстве, вышивке, деталях интерьера и т. п. Это тот самый факт синонимичности традиционной культуры, о которых так блистательно писали выдающиеся отечественные фольклористы (Н. И. Толстой, С. М. Толстая, А. К. Байбурин и их последователи).

Что касается комментария, то он включает объяснение причин разной степени сохранности одного и того же обряда/текста этносов Поволжья (исторические судьбы народов, миграции населения, время фиксации текстов, степень их достоверности и др.).

4-й этап — адаптация материала. Это необходимое условие работы со школьниками младших классов. Она, как правило, включает отбор материала, который может и должен быть соотнесен с программами дисциплин и задачами учебно-воспитательного процесса образовательного учреждения в целом, национальным составом учащихся, степенью их подготовки к работе с формами и текстами традиционной культуры/фольклора, отношением к возможности постановки проблемы в данном ракурсе педагогов и родителей и уровнем владения материалом педагогом/воспитателем;

5-й этап — составление учебно-методических пособий, которые на примере использования традиционной культуры/фольклора Республики Марий Эл в учебно-воспитательном процессе разных типов школ смогли бы показать представителям других регионов России перспективность осуществления подобного рода эксперимента и эффективность последующей работы педагогов в данном направлении.

К настоящему моменту участниками сетевой экспериментальной площадки частично уже разработаны и опубликованы программы, цель которых состоит в том, чтобы сформировать у обучающихся представление о календарных и семейных обрядах и обычаях народов Республики Марий Эл как целостном феномене, включенном в разнообразные сферы их бытовой жизни и ритуальной практики; показать сходство и различия обрядов и фольклора народов республики, формы их взаимодействия, особенности функционирования, содержания и поэтики. Именно на этой основе, по мнению участников эксперимента, и формируется уважительное отношение школьников к культуре народов, проживающих с ними в одном регионе и стране в целом, а

также вырабатываются навыки корректного поведения в различных ситуациях бытового и профессионально-делового общения с представителями разных традиционных культур и религий.

В свою очередь, такого рода программы становятся основой для разработки уроков и воспитательных мероприятий, которые частично уже осуществлены участниками эксперимента и также представлены в Приложениях к данным программам [Золотова, Новицкая 2013]. Кроме того, в исполнении учащихся школ-участников экспериментальной площадки образцы марийской и чувашской календарной обрядности и других жанровых форм фольклора народов РМЭ включены в электронные приложения к учебникам для младших школьников [Новицкая 2012—2013];

6-й этап — презентация материалов эксперимента. С этой целью участниками эксперимента задуман и планомерно воплощается проект создания базы данных по традиционной культуре народов Республики Марий Эл с последующим размещением ее в сети Интернет. Предполагается, что такая база будет полнотекстовой (с включением основных этнографических описаний и текстов, аудио- и видеофрагментов обрядов, действий и других зрелищных форм представителей основных этносов республики) и с оригинальной системой поиска (с учетом интересов молодежной аудитории). А главное — материалы в ней будут представлены в пространстве так называемого *виртуального музея* фольклора (своеобразные «коллекции-залы» соединяются по типу электронной экскурсии) с элементами игрового характера (разработка особых виртуальных персонажей — хранителя музея и экскурсовода). Думается, что оформление материалов удастся осуществить на высоком техническом уровне с использованием современного дизайна, модных тенденций графики, что, в свою очередь, будет способствовать повышению статуса отечественных информационных ресурсов среди молодежи, в целом пробуждению интереса к национальной традиционной культуре и фольклору.

7-й этап — организация широкого обсуждения постановки, хода и итогов экспериментальной работы. На данный момент создана группа в социальной сети VKontakte под названием «Виртуальный музей фольклора Юринского района РМЭ» (<http://vk.com/club45378220>). Необходимо отметить, что на обновления группы уже подписаны около 200 человек, в основном жители Юринского района и г. Йошкар-Ола, но посещают группу и жители других районов республики и близлежащих регионов (Республик Татарстан и Чувашия), жители Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга, бывают гости и из других стран — Молдовы, Казахстана, Украины, Грузии. К самым популярным разделам по количеству просмотров можно отнести фотоальбомы и обсуждения представленных тем.

В настоящее время в группе размещены материалы по истории Шереметьевского замка и Михайло-Архангельской церкви, коллекции

собирателей (в начальной стадии) и словесные портреты выдающихся исполнителей фольклора Юринского района, материалы фольклорно-этнографического музея «Крестьянская изба» (с. Васильевское), коллекции обрядового фольклора Юринского района («Юринские Святки», «Юринские гадания», «Юринская Масленица», «Юринская Пасха», «Юринская Троица»), при этом они размещаются по мере приближения данных праздников, организуется их обсуждение с участниками группы. В группе также представлены работы учащихся Юринской школы (собирательские этюды, творческие работы). Помещены видеоролики о посёлке Юрино, о Михайло-Архангельской церкви и жемчужине Поволжья — замке Шереметьевых.

Итак, как показывает опыт, проблема межкультурных взаимодействий — из числа тех проблем, которые действительно требуют безостановочного движения, все новых теоретических поисков, а главное — серьезных и ответственных практических реализаций. И именно в отечественной фольклористике представлены, на наш взгляд, основательные попытки ее теоретического осмысления и интерпретации соответственно вызовам времени. Особенную важность и остроту приобрела данная проблема на рубеже XX—XXI вв. Она потребовала от исследователей не только нового и чрезвычайно динамичного ее осмысления, но и реалистических предложений, оформленных в виде образовательных проектов и программ. Один из таких проектов, связанный с попыткой обоснования нового подхода к решению данной проблемы, предложен участниками сетевой экспериментальной площадки Федерального института развития образования в Республике Марий Эл. В процессе проектирования системы духовно-нравственного воспитания младших школьников на основе ценностного потенциала традиционной (фольклорной) культуры народов Республики участники проекта опирались на общефилософский принцип «единства в разнообразии», раскрытый применительно к обозначенной проблематике следующим образом:

1) сосредоточение внимания обучающихся на универсальных (общих для всех народов) кодах традиционной культуры РМЭ с последующим их развертыванием и иллюстрацией конкретными фольклорно-этнографическими материалами;

2) демонстрация некоторых расхождений, связанных с разницей в стадийном их развитии (например, у одних народов еще обращает на себя внимание строгая последовательность в осуществлении акций того или иного обряда, у других — произошла частичная их трансформация и модификация, третьи — сохранили лишь отдельные реалии на уровне вербального текста; в редких случаях может иметь место и полное «обращение» обряда и т. п.);

3) выявление национальных вариантов оформления того или иного обряда/акции/текста;

4) интерпретация внутреннего смысла того или иного обряда/акции/текста в контексте воспитательных задач современного образо-

вательного процесса и в соотношении с устойчивыми нравственными представлениями, необходимыми для обеспечения жизнеспособности и толерантного взаимодействия современных культурных сообществ.

Участники проекта уверены в том, что реализация подобного подхода будет способствовать решению и ряда собственно педагогических задач, в частности, обновлению содержания, форм и методов учебно-воспитательного процесса городских и сельских общеобразовательных учреждений разных типов, откроет дополнительные перспективы для формирования новых функций школы в современном обществе.

Литература

- Аникин 1996 — *Аникин В. П.* Теория фольклора. Курс лекций. М., 1996.
- Буслаев 1861 — *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2. СПб., 1861.
- Веселовский 1882 — *Веселовский А. Н.* Новые книги по народной словесности // ЖМНП, 1882, № 9. С. 209 — 221.
- Владыкина 1998 — *Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск, 1998.
- Гацак 1983 — *Гацак В. М.* О перспективах изучения межнациональных фольклорных общностей и взаимосвязей // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала: материалы симпозиума, 22—24 ноября, 1979 г. Казань, 1983. С. 3—7.
- Гацак 1993 — *Гацак В. М.* Переход славянских эпических песен в неславянскую этноязыковую и поэтико-стилевую среду // История. Культура. Этнография и фольклор славянских народов. XI Международный съезд славистов. М., 1993. С. 260—269.
- Золотова, Данилов 1994 — *Золотова Т. А., Данилов О. В.* Путешествие в мир «иной» // Марий Эл. Вчера, сегодня, завтра. Йошкар-Ола, 1994. С. 74—81.
- Золотова 1997 — *Золотова Т. А.* Таусеневые песни русских Поволжья: региональное своеобразие и межэтнические связи. Йошкар-Ола, 1997.
- Золотова, Новицкая 2013 — *Золотова Т. А., Новицкая М. Ю.* МарГУ в экспериментальных исследованиях ФИРО (Итоги работы сетевой экспериментальной площадки) // Фольклор и литература. Вып. 3. Йошкар-Ола. 2013. С. 114—130.
- Костюхин 1993 — *Костюхин Е. А.* Сказки и типология культурных контактов // Русский фольклор. Т. 37. Межэтнические фольклорные связи. СПб., 1993. С. 3—14
- Леонтьев 1992 — *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство (и другие работы) // Записки отшельника. М., 1992.
- Новицкая 2012—2013 — *Новицкая М. Ю. и др.* Электронные приложения к учебникам: А. А. Плешаков, М. Ю. Новицкая. «Окружающий мир». 1—4 классы. М., 2012—2013 (4 DVD).
- Померанцева, Чистов 1979 — *Померанцева Э. В., Чистов К. В.* Русская фольклорная проза и межэтнические процессы // Отражение межэтнических процессов в устной прозе. М., 1979. С. 3—18

Путилов 1983 — *Путилов Б. Н.* К типологии межэтнических фольклорных связей: природа, закономерность, механизм // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала: материалы симпозиума, 22—24 ноября, 1979 г., Казань. Казань, 1983. С. 7—13.

Путилов 1994 — *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. СПб., 1994

Путин 2012 — *Путин В. В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012, 23 января.

Соколов 2000 — *Соколов К. Б.* Субкультурная стратификация и городской фольклор // Традиционная культура. 2000. № 1. С. 10—17.

Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Топорков 1997 — *Топорков А. Л.* Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М., 1997.

Фукс 1840 — *Фукс А.* Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840.

Художественная жизнь современного общества 1996 — *Художественная жизнь современного общества*: в 4 т. Т. 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни. СПб., 1996.

***Summary.** The article focuses on stages of development of the problem of interethnic interaction in Russian folklore studies, the most interesting solutions to this problem are introduced, a number of opportunities of its modern interpretation in the context of the principle of «unity in diversity» suggested by Russian philosophers of the XIX century are presented. Much attention is paid to the results of the work of the Federal experimental platform of Federal Institute for Education Development — Mari State University.*

***Key words:** Interethnic interaction, the Volga region, Russian, Finno-Ugrian, folklore studies, unity in diversity, experiment.*